

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ SOFT POWER В ПОГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Негров Евгений Олегович,

Санкт-Петербургский государственный университет,
доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии,
кандидат политических наук,
Санкт-Петербург, Россия,
E-mail: negrov2001@mail.ru

Аннотация

В статье раскрываются особенности официального политического дискурса современной России как инструмента soft power. Автор исследует эволюцию политического языка российской элиты. Эмпирической базой исследования являются контентные СМИ регионов Северо-Западного федерального округа.

Ключевые слова:

дискурсивные практики, soft power, официальный политический дискурс, политическая элита, дискурс СМИ.

Данный доклад является результатом текущего исследования, проводимого в части приграничных регионов Северо-Западного федерального округа (Республика Карелия, Ленинградская, Мурманская и Псковская области) в 2012–2014 гг., целью которого является исследование механизмов реализации soft power как в рамках международного сотрудничества, так и в ходе проводимой внутренней политики, учитывающей международный аспект.

Так как основным объектом исследования выступают дискурсивные практики процесса реализации soft power, первый тезис посвящен дефиниции самого понятия дискурсивных практик и рядоположенных конструктов.

Политический дискурс в целом в контексте исследования определяется автором как текст, отображающий политическую и идеологическую практику какого-то государства, отдельных партий и течений в определенную эпоху. Процесс осуществления политического дискурса понимается как актуальное использование языка в социально-политической сфере общения и, шире, в публичной сфере общения.

Принадлежность текста к числу политических определяется как его тематикой, так и его местом в системе политической коммуникации. Такое понимание «политического языка», как языка, используемого в публичной сфере, учитывает растущее влияние средств массовой коммуникации, развитие новых коммуникационных технологий, расширение процессов глобализации и процесс коммерциализации политической коммуникации [3]. В ходе подобных процессов актуализируется общественное сознание, и политический дискурс, таким образом, отражает политическую ситуацию, а его изучение дает более наглядную картину предпочтений в современном обществе, существенно дополняющую иные способы решения данной задачи, к примеру, социологические исследования. При анализе языка политического дискурса обнаруживается совокупность всех речевых актов, использованных в политических дискуссиях в современном обществе.

Специфика организации публичного пространства в современной России делает релевантным с точки зрения анализа интенций

Конференц-зал

основных политических акторов только изучение официального и лоялистского политического дискурса, причем на региональном уровне, учитывая финансовый и организационный аспекты функционирования СМИ; провести четкую границу между этими типами дискурса практически невозможно.

Под официальным политическим дискурсом (далее – ОПД), в отличие от просто официального текста, понимается устойчивый набор высказываний на темы важнейших общественных категорий, норм, ценностей и теорий, используемый для публичного объяснения намерений и действий элиты того или иного общества. Определение «публичное» имеет здесь принципиальное значение, поскольку иные, неофициальные высказывания, и труднодоступны, и не являются официальным дискурсом по определению. Лоялистский дискурс, в свою очередь, представляет собой корпус приемов, направленных на легитимацию дискурсивных практик и реальных действий официальной власти в общественно-политическом пространстве [2; 5]. Подчеркнем еще раз, что от идеологии, картины мира, системы взглядов дискурс отличается своей социальной составляющей, а именно подразумеваемым существованием не только носителя (или коммуникатора), но и аудитории. При этом для продуцента дискурса важна не только собственная позиция, но и предполагаемая позиция аудитории. Важнейшей целью как ОПД, так и лоялистского дискурса является воздействие на слушателя, но одновременно изучение таких дискурсов дает возможность аудитории и экспертному сообществу получить представление о самих коммуникаторах.

Специфика современного российского ОПД состоит в следующем [8; 9; 10]. Во-первых, это стремление к полной монополизации важнейшего канала ретрансляции политического дискурса – телевидения. Телевидение как средство массовой информации существует чуть более полувека, однако даже за такой небольшой по историческим меркам промежуток времени оно стало одной из важнейших социальных потребностей человека; ни одно

из ныне действующих средств массовой коммуникации не может соревноваться с телевидением по величине и силе влияния на общественные процессы. Сейчас в России телевидение достигло такого влияния, что политический дискурс уже не только транслируется в его рамках, но и меняется или, по крайней мере, корректируется под его воздействием. Включая телевизор, реципиент постоянно получает на данном канале одну и ту же систему ценностей, норм и представлений, единый дискурс, который зависит от позиции канала. Последствия данного факта сводятся к тому, что «если тебя нет в телевизоре – тебя как бы нет вообще», причем такое положение вещей справедливо как для политических акторов, так и для политических событий, и основные ретрансляторы официального политического дискурса вполне осознали эту поистине огромную роль телевидения.

Во-вторых, официальный политический дискурс в современной России стал, по сути, «вещью в себе». Сегодняшнее политическое пространство распалось на узкий круг лиц, формирующих политическую повестку дня, и всех остальных, причем в числе последних оказалось и экспертное сообщество, в том числе и политологи. Механизм принятия политических решений становится все более непрозрачным для людей, напрямую к нему не причастных, что снижает адекватность традиционных инструментов политологических исследований, основанных на анализе публичной политики. Более того, сегодняшняя ситуация привела к такому неожиданному последствию, как проблема интерпретации интенций ОПД. Небольшое количество адресантов такого дискурса, входящее в состав высшей политической элиты страны, сталкивается с тем, что его адресаты, то есть, в первую очередь, те, кто по долгу службы должен реализовывать эти интенции, – среднее и низшее звено исполнительной власти (и только потом – представители общества) – интерпретируют их высказывания, основываясь на своем представлении о тактических и стратегических задачах, стоящих за исполнением того или иного решения, что

Конференц-зал

в условиях непрозрачности и непубличности описываемых процессов приводит зачастую к непрогнозируемым заранее последствиям.

Третья особенность современного ОПД – его сильная зависимость от конечного адресата. Помимо инструментальной функции, связанной с борьбой за власть и набора зависящих от нее признаков, ОПД призван также формировать повестку дня внутри элиты, определяя основные тренды текущего политического процесса. Причем в данном случае понятие элиты выходит за рамки политики, поскольку это определение важно и для остальных социальных групп, менее подверженных примитивным манипуляционным технологиям, – интеллигенции, общественных деятелей, ученых, представителей бизнес-элиты и т. д. В связи с данным фактом нам представляется целесообразным ввести не встречаемое ранее в научной литературе понятие электорально значимого большинства (далее – ЭЗБ) применительно к адресатам ОПД, преимущественной целью которого является манипулятивная стратегия. Данный термин отражает реальную ситуацию, при которой основная задача ОПД сводится к донесению позиции политической элиты до ЭЗБ, обеспечивающего легитимность власти, причем большинства, ограниченного в своем доступе к информации и вынужденного пользоваться только предложенными официальным дискурсом каналами трансляции (конечно, данное положение выглядит несколько теоретически и нуждается в дальнейших специальных исследованиях с эмпирическим содержанием, чтобы четко ограничить границы таких каналов). Именно поэтому телевидение, благодаря своим качествам, является основным каналом трансляции для ЭЗБ, в отличие от печатных средств массовой информации, которые не имеют такого охвата аудитории.

В-четвертых, необходимо сказать о необходимости оценки эффективности усилий ОПД, т. е. о соответствии результатов тем задачам, которые ставит перед собой политическая элита страны. Многие события, связанные со вступлением России в электоральный цикл 2011–2012 гг. и последовавшие за этим дей-

ствия, имеющие свое отражение в текущем политическом процессе, заставляют серьезно задуматься о самой природе эффективности через призму понятий легальности и легитимности власти. В рамках данного исследования эти понятия рассматриваются с точки зрения массового политического поведения, в соответствии с которой легальность – это процедура, соответствующая закону и принятым правовым нормам, а легитимность – наличие не столь очевидно фиксируемого согласия управляемых на определенное насилие над собой, т. е. возможность акторам совершать действия, которые не оспариваются никем из тех, кто теоретически имеет право и возможности эти действия оспорить.

Специфика современной российской ситуации состоит еще и в том, что официальный политический дискурс в современной России стал, по сути, «вещью в себе». Сегодняшнее политическое пространство распалось на узкий круг лиц, формирующих политическую повестку дня, и всех остальных, причем в числе последних оказалось и экспертное сообщество. Механизм принятия политических решений становится все более недоступным для людей, напрямую к нему не причастных, и, таким образом, усиливается неадекватность традиционных инструментов политологических исследований, основанных на анализе публичной политики. Более того, сегодняшняя ситуация привела к такому неожиданному и крайне нуждающемуся в своем описании последствию, как проблема интерпретации интенций официального политического дискурса, проявляемому, в том числе, и в такой, казалось бы, аполитичной теме, как потребление, чему, собственно, и посвящена эмпирическая часть исследования. Небольшое количество адресантов такого дискурса, входящее в состав высшей политической элиты страны, сталкивается с тем, что его адресаты, то есть, в первую очередь, те, кто по долгу службы должен реализовывать эти интенции, – среднее и низшее звено исполнительной власти (и только потом представители общества) интерпретируют их, основываясь на своем представлении о так-

Конференц-зал

тических и стратегических задачах, стоящих за исполнением того или иного решения, что в условиях непрозрачности и непубличности описываемых процессов приводит зачастую к непрогнозируемым заранее последствиям. Так как ЭЗБ ограничено в своем доступе к информации и вынуждено или вполне осознанно желает пользоваться только предложенными официальным дискурсом каналами трансляции, именно такое большинство, на наш взгляд, является наиболее благодарной аудиторией с точки зрения применения различного рода манипулятивных технологий.

Очевидно, что в современной России невозможно говорить о едином дискурсивном пространстве. Публичная сфера крайне фрагментирована, у каждого из сегментов российского общества – свои СМК, свои СМИ, свой дискурс, очень немного тем, вокруг которых можно было бы обнаружить консенсус. Однако с политологической точки зрения наибольший интерес представляют именно медиа, выполняющие две, казалось бы, взаимоисключающие функции: с одной стороны, обслуживающие электорально значимое большинство, с другой, имеющие в качестве основного адресата ту самую номенклатуру уровня исполнения решений!

Существует и еще одна проблема, вытекающая из несоответствия слов и действий основных продуцентов ОПД: нынешняя политическая элита четко осознает, что «язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли», поэтому можно зафиксировать, начиная от самых высших представителей власти и заканчивая ее рядовыми представителями, противоположные суждения по одним и тем же вопросам. Решить эти проблемы и призваны методы дискурс-анализа, направленные на «выуживание» скрытой информации, стоящей за тем или иным текстом, раскрытие истинных мотивов и интенций адресантов дискурса и, как следствие, определение истинной «повестки дня» политической элиты. И именно здесь на первый план выходит лоялистский дискурс, с одной стороны четко следующий в фарватере официального политического дискурса,

а, с другой, чувствуя себя намного более свободным – как в стиле и тезаурусе, так и в тех фундаментальных предпосылках, строящихся на классическом разделении свой/чужой, из которых идут его основные интенции, касающиеся текущей политической повестки дня.

Необходимо отметить и трансформацию политических функций СМИ в ходе социально-экономических реформ в стране, результатом чего можно считать изменение границ и конфигурации пространства политического дискурса в медиасфере. В начале 1990-х годов российская пресса была одним из активных организаторов публичного дискурса, предоставляя слово всем субъектам политического пространства и предавая гласности их позиции, благодаря чему вырабатывалось новое знание о целях и способах дальнейшего взаимодействия. В настоящий момент количество субъектов политического дискурса в медиасфере резко сократилось, и политическое «посредничество» СМИ «больше похоже на деятельность торгового агента, заинтересованного в выгодной сделке и получении соответствующего денежного вознаграждения» [4, с. 84]. Собственно же язык российского политического дискурса также претерпел плавную эволюцию – от (в полную противоположность советскому) чрезвычайной подвижности, которая характеризовалась тем, что большинство лексики в политических статьях и выступлениях публичных деятелей имело определенную эмоциональную окраску, а в любом тексте было ярко выражено авторское начало, тесно связанное с ценностными ориентирами в обществе, до почти возвращения к «суконному языку» советского времени.

Эмпирической базой практических выводов исследования является анализ контента следующих средств массовой информации:

- Республика Карелия – общественно-политическая газета «Карелия» (учредители Правительство РК, Законодательное собрание РК) и литературно-художественный и общественно-политический журнал «Север» (финансовая зависимость от Правительства РК, организационно связан с Союзом писателей России);

Конференц-зал

- Ленинградская область – телевизионные сюжеты пресс-центра «Вуокса» (муниципальное образование «Светогорское городское поселение» Выборгского района ЛО), сетевое издание «газета Вести он-лайн» и муниципальная газета «Выборг»;

- Мурманская область – газета «Вечерний Мурманск» (учредители Администрация города и трудовой коллектив редакции) и программа «Вести-Мурманск. События недели» ГТРК «Мурман»;

- Псковская область – общественно-политическая газета «Псковская провинция», районная газета Пыталовского района «Наша жизнь» и районная газета Себежского района «Призыв».

Результаты проводящегося исследования должны подтвердить или опровергнуть некоторые предварительные гипотезы, а также показать механизмы реализации soft power в конкретных случаях и послужить основой для обобщений.

В заключение отметим, что т.к. фиксируемые нами тенденции являются, преимущественно, теми интенциями, которыми руководствуется среднее звено политической элиты в своей повседневной практике, то для дальнейшего развития политического дискурса в нашем Отечестве весьма важно не только его изменение на высших уровнях трансляции, но и соответствующие процессы на среднем уровне, в том числе и на уровне самих средств массовой информации. Запрос на такие изменения существует и сверху – от политической элиты, озабоченной улучшением имиджа страны, и снизу – от представителей слабо развитого, но все же существующего гражданского общества, озабоченного своей неспособностью как бы то ни было влиять на формирование текущей повестки дня. Именно в этом обоюдном желании многих частей нашего общества кроется, пусть и не великий, но все же не равный нулю, шанс на развитие политического дискурса в соответствии с общепринятыми демократическими нормами и реальное движение российского общества в сторону модернизационного развития.

В самом конце исследования полагаем необходимым сказать о том, что само поле политической дискурсологии представляется весьма и весьма перспективным для изучения общественно-политической ситуации в России, так как сегодня все более очевидным становится ограниченная применимость классического политологического инструментария для исследования реальной российской политики. Как справедливо указывает российский исследователь Л. Бляхер, политолог все более оказывается в положении «просвещенного», но не «посвященного» в реальные условия принятия политических решений [1]. Для того чтобы мнение политолога-наблюдателя имело право на существование именно как мнение эксперта, а не «одного из миллионов», наблюдающих за видимыми проявлениями политики, и возникает необходимость в выработке нового аппарата описания политики, фиксации новых пространств, где принятие политических решений еще можно зафиксировать. И здесь возможности анализа политического дискурса могут сыграть весьма важную роль.

1. Бляхер Л.Е. Новые пространства политики и способы их изучения // Новости РАПН. 2006. – № 6 (25).
2. Вязовик Т.П. Роль публичной сферы в распространении консервативно-охранительного дискурса начала XIX века // Гражданское общество в России. – 2011. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Vyazovik_rol.pdf.
3. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического дискурса // Политический анализ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. Вып. 3.
4. Дзялошинский И.М. Роль СМИ в организации диалога власти и общества // Роль СМИ в формировании гражданского общества. М., 2006. – С. 84–86.
5. Мирошников М.Ю. Российская политическая ментальность и дискурс идентичности // Дискурс-Пи, вып. 5. – Екатеринбург, 2005. – С. 78–82.
6. Негров Е.О. Интенции «антиоранжевого» дискурса в ходе думской и президентской кампаний 2011–2012 гг. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, т. 8, № 2. – СПб, 2012. – С. 35–57 [Негров, 2012a].
7. Негров Е.О. Лоялистский политический дискурс в современной России: сотрудничество или конфронтация? // Власть, бизнес, гражданское общество в условиях модернизации России: институты, стратегии и практики политического сотрудничества: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 22–23 ноября 2013 г. / ред.-сост. О.В. Гаман-Голутвина, С.В. Патрушев, Л.В. Сморгун, Л.Н. Тимофеева. – М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013. – 279 с. – С. 171–173.

8. Негров Е.О. Публичная политика в ходе электро-цикла 2011–2012 гг.: Стратегии охранительного политического дискурса // Символическая политика: Сборник научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел политической науки; отв. ред. Малинова О.Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – 334 с. – С. 202–221 [Негров, 2012б].

9. Негров Е.О. Современный охранительный дискурс: анализ сетевых стратегий // Сетевые ресурсы и практики в публичной политике: материалы Всероссийской конференции молодых политологов 8–11 октября 2012 г. – Краснодар: Просвещение Юг, 2012. – 245 с. – С. 135–139 [Негров, 2012в].

10. Нежданов Д.В. Особенности становления современного политического дискурса: значение метафорического терминотворчества // Вопросы управления, вып. 4 (17). – Екатеринбург, 2011. – С. 14–26.

1. Blyaxer L.E. Novye prostranstva politiki i sposoby ix izucheniya // Novosti RAPN. 2006. – № 6 (25).

2. Vyazovik T.P. Rol' publichnoj sfery v rasprostraneni konservativno-oxranitel'nogo diskursa nachala XIX veka // Grazhdanskoe obshhestvo v Rossii. – 2011. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Vyazovik_role.pdf.

3. Gavrilova M.V. Lingvisticheskiy analiz politicheskogo diskursa // Politicheskij analiz. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2003. Вып. 3.

4. Dzyaloshinskiy I.M. Rol' SMI v organizacii dialoga vlasti i obshhestva // Rol' SMI v formirovanii grazhdanskogo obshhestva. M., 2006. – С. 84–86.

5. Miroshnikov M.Yu. Rossijskaya politicheskaya

mental'nost' i diskurs identichnosti // Diskurs-Pi, vyp. 5. – Ekaterinburg, 2005. – С. 78–82.

6. Negrov E.O. Intencii «antioranzhevogo» diskursa v xode dumskoj i prezidentskoj kampanij 2011–2012 gg. // Politicheskaya e'kspertiza: POLITE'KS, t. 8, № 2. – SPb, 2012. – С. 35–57 [Negrov, 2012a].

7. Negrov E.O. Loyalistskiy politicheskij diskurs v sovremennoj Rossii: sotrudnichestvo ili konfrontaciya? // Vlast', biznes, grazhdanskoe obshhestvo v usloviyah modernizacii Rossii: instituty, strategii i praktiki politicheskogo sotrudnichestva: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Moskva, 22–23 noyabrya 2013 g. / red.-sost. O.V. Gaman-Golutvina, S.V. Patrushev, L.V. Smorgunov, L.N. Timofeeva. – М.: RIC MGGU im. M.A. Sholoxova, 2013. – 279 s. – С. 171–173.

8. Negrov E.O. Publichnaya politika v xode e'lektoral'nogo cikla 2011–2012 gg.: Strategii oxranitel'nogo politicheskogo diskursa // Simvolicheskaya politika: Sbornik nauchnyx trudov / РАН. ИНИОН. Центр социаль-ных научно-информационных исследований. Отдел политической науки; отв. ред. Малинова О.Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – 334 с. – С. 202–221 [Негров, 2012б].

9. Negrov E.O. Sovremennij oxranitel'nyj diskurs: analiz setevyx strategij // Setevye resursy i praktiki v publichnoj politike: materialy Vserossijskoj konferencii molodyx politologov 8–11 oktyabrya 2012 g. – Краснодар: Prosveshhenie Yug, 2012. – 245 s. – С. 135–139 [Негров, 2012в].

10. Nezhdanov D.V. Osobennosti stanovleniya sovremennogo politicheskogo diskursa: znachenie metaforicheskogo terminotvorchestva // Voprosy upravleniya, vyp. 4 (17). – Екатеринбург, 2011. – С. 14–26.

REALIZATION OF MECHANISMS OF SOFT POWER IN A BOUNDARY REGION: THE ANALYSIS OF THE REGIONAL DISCURSIVE PRACTICES IN NORTHWEST FEDERAL DISTRICT

Negrov Evgenie Olegovich,

The St.-Petersburg state university,
The senior lecturer of chair of political institutes and applied political researches,
Political science faculty,
candidate of political sciences,
St.-Petersburg,
E-mail: negrov2001@mail.ru

Annotation

The article describes the features of the official political discourse in modern Russia as a tool of soft power. The author explores the evolution of the political language of the Russian elite. Empirical basis of the study are the contents of the media of the North-West Federal District.

Key words:

discursive practices, soft power, the official political discourse, the political elite, media discourse.
